

ОПЫТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИИЛА ХАРМСА И ЕГОРА ЛЕТОВА

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ практики экзистенциальной рефлексии лирического субъекта на материале произведений Егора Летова и Даниила Хармса. Результат исследования: экзистенциальная рефлексия лирического субъекта у обоих поэтов переходит в область телесности, однако образные ряды значительно различаются.

Ключевые слова: экзистенциализм; рефлексия; лирический субъект; абсурд; телесность.

В двадцатом веке основной тенденцией развития мировой культуры стал поворот ее в область проблем онтологических, частыми стали напряженные попытки прояснить основу жизни человека. Абсурд – *«симптом разрыва с бытием. Абсурд – покинутость в отчаянии, тщетность любых усилий что-либо изменить»* [8, с. 1]. Абсурд является своеобразной ментальной универсалией, так или иначе трансформирующейся, но присутствующей в сознании разных эпох. Подобная неизменность абсурда объяснима, на наш взгляд, его экзистенциальной природой. Философия экзистенциализма рассматривает индивида в критической ситуации, в потоке иррациональных, чуждых ему событий внешнего мира, на которые он не способен никак повлиять [3, с. 2]. Именно поэтому, на наш взгляд, особенно остро и отчетливо абсурд входит в литературную жизнь именно во время духовного кризиса в культуре – после тяжелых общественных потрясений или во время тревожного их ожидания.

В данной работе мы постараемся определить значение абсурда в художественном мире Егора Летова в сопоставлении его стихотворений и прозаических работ с прозаическими и стихотворными произведениями классика абсурда Д. Хармса. На наш взгляд, центральное место при рассмотрении абсурда следует отдавать его экзистенциальной природе, поэтому основное свое внимание в настоящей работе мы уделим репрезентации личности в творчестве Летова и Хармса.

Егор Летов определенно испытал на себе влияние Даниила Хармса, во многом воспринял его поэтику, важным, на наш взгляд, фактором близости

292 | творчества двух авторов является очевидное экзистенциальное звучание их произведений. В основе произведений Даниила Хармса – будничная жизнь людей, их быт, однако в его художественном мире простые, обыкновенные вещи приобретают пугающий оттенок, по Хармсу будничная жизнь людей безлика, бездушна [1, с. 1]. Человек в произведениях Хармса ни в чем не может быть уверен, он является игрушкой в руках чудных, никак не зависящих от него самого обстоятельств. В произведениях Хармса обыкновенные предметы сравнимы в своей значимости с живыми людьми, трупы у Хармса подчас бывают деятельнее живых людей (как, например, в рассказе «Кассирша»), такая тенденция к уравниванию в правах предметов и людей, трупов и людей является яркой тенденцией абсурдного нарратива [2, с. 4].

В основании экзистенциального в творчестве Хармса и Летова лежит особенное внимание к человеческой личности – литература абсурда по-своему осмысляет особенности персональной рефлексии отдельной личности. Так, например, в «Голубой тетради № 10» Хармса повествуется о человеке, у которого не было глаз, ушей, живота и т. д., как только писательское внимание обращается на ту или иную часть тела человека, оказывается, что ее у него нет, на глазах у читателя происходит исчезновение личности, как только человек становится объектом рассмотрения «сам по себе». А что такое человек у Хармса? *«Просто соединение частей тела или состояние их стабильного распада»* [11].

Значительную переключку с данным рассказом Хармса находим в произведении Егора Летова «Игра в лицо (руководство)», которое представляет из себя правила игры, в которой *«каждый участник символизирует собой: глаз правый, глаз левый, ноздрю правую, ноздрю левую, рот посрединный, ухо правое, ухо левое и мозг глубинный (в данном случае это – я)»* [4], суть игры заключается в том, что, бросая жребий, участники убивают друг друга, а мозг остается наблюдателем, а затем, оставшись один, *«он некоторое время философствует по привычке, затем громко шепчет: «Свершилось!» и автоматически кончает самоубийством, переставая думать»* [4]. В данном случае человек, его лицо, распадается на множество разрозненных частей, атомов, которые в результате игры, а игра, как известно, является своего рода деятельностью ради деятельности, концентрация при которой смещается именно на тех, кто играет, в данном случае – на частях человеческого лица (как убедимся ниже, лицо для Летова выступает метафорой личности вообще), теряют собственную ценность, исчезают, умирают.

В художественном мире Егора Летова основным признаком личности является лицо, именно наличие лица становится определяющим, центральной характеристикой личности, тем громче, отчетливее звучат рефреном повторяющиеся в увидевшей свет в 1987 году в составе альбома «Тоталитаризм» песне «На***ть на мое лицо» строки:

В это трудно поверить
 Но надо признаться, что
 Мне на***ть на мое лицо
 Ей на***ть на мое лицо
 Вам на***ть на мое лицо
 Всем вам на***ть на мое лицо [5].

В данном случае поэт констатирует безразличие «других» по отношению к собственной личности, собственное безразличие к ней, потому как человек, поместивший себя в центр собственного внимания, обречен на то, чтобы раствориться, распасться на формальные составляющие, одной из констант поэтического мира Егора Летова является эгоцентричность лирического Я [10, с. 2]. Неслучайно на первое место при перечислении тех, кому безразлично его лицо, лирический герой помещает именно себя. То, что окружающим безразличен «другой» – очевидно, это вытекает из экзистенциального характера лирики Егора Летова (нелишним будет вспомнить тезис Сартра «Ад – это другие», прекрасно иллюстрирующий отношение эгоцентричного лирического героя Егора Летова по отношению к «другим», влияние творчества Ж.П. Сартра на творчество поэта очевидно, присутствуют очевидные интертекстуальные отсылки [8]). Подобное заключение напрямую проистекает из того, что самому лирическому герою безразлично его лицо, его личность. Для того, чтобы существовать в мире, необходимо забыть о себе как личности, всякие попытки не делать этого обречены на провал («Вечером сдался и я»[5]). Если лицо в образной системе Егора Летова представляет собой метафору личности, то тело вообще – значительный, системообразующий элемент модели мира вообще [9, с. 1–2].

Другим произведением Егора Летова, в котором внимание исследователя способны привлечь экзистенциальные мотивы, особенная концентрация которых находит свое отражением в образе лица, является песня «Я выдуман напрочь», вышедшая в составе альбома «Поганая молодежь» в 1985 году:

Мое лицо заливают свет
 Во тьме танцуют причины бед
 Во тьме танцует слепой скелет
 Я выдуман напрочь

Огонь свечи цветет в ночи
 В ночи есть дверь,
 а в двери – ключи
 Ты можешь кричать,
 но лучше – молчи
 Я выдуман напрочь

Собаки ходят – куда хотят
 Мои карманы полны котят

Они не стонут, они не спят
Я выдуман напрочь.

Я выдуман напрочь [6].

В этом произведении особенного внимания в контексте исследуемой проблемы заслуживает первая строфа. Прежде всего, стоит отметить дихотомию, антитезу «свет – тьма», лицо человека залито светом, сам человек, личность, *Я* лирического героя – это светлое начало, которое, однако, неразрывно связано с тьмой, представленной мрачными образами, подобный диалектизм личности лирического героя вполне обычен для творчества Егора Летова вообще [10, с. 2].

Однако наиболее важный момент заключается в том, что при осознании собственной дихотомичности, разделенности на светлую и темную стороны, герой, обратив внимание на самого себя, приходит к выводу о том, что он выдуман, личности не существует, существуют лишь видимая борьба противоречий, в которой теряется сам человек, он не может быть ни светел, ни темен, потому что его нет, все связанное с героем представлено парадоксальными, абсурдными в своей диалектичности образами: есть тьма ночи, но в ней присутствует огонь, есть дверь, но в двери есть ключ, котят, которые являются частотным образом лирики Егора Летова, символизируют добрые, наивные чувства, они не мешают герою своими стонами, но и не спят, т.е. герой лишь ощущает их, но он отстранен – все эти диалектически представленные противоречия кажутся неразрешимыми, однако снимаются единственным замечанием – лирический герой констатирует собственное несуществование.

Если Летов магистральным в плане экзистенциальной рефлексии конституирует образ лица, то Хармс расширяет этот образ до метафоры телесности как таковой. В стихотворении «Где я потерял руку?..» наблюдается показательный для иллюстрации этого тезиса мотив:

Где я потерял руку?
Она была, но отлетела
я в рукаве наблюдаю скуку
моего тела.
Что-то скажет Дом Печати
что-то скажет раздевалка
моей руки одно зачатие
с плеча висит.
Как это жалко.

Рука становится метафорой какой-то важной составляющей личности, рука – важнейшая часть человеческого тела, ее потеря – большое горе для лирического героя, в сфере же экзистенциальной образ потерянной руки

обретает масштабы значительной личностной катастрофы, при которой внешний мир и его феномены оказываются незначительными и неважными («Что-то скажет раздевалка»), внешний мир в данном стихотворении вторичен, сер, Я лирического героя эгоцентрично, оно сконцентрировано на собственной катастрофе, что делает ее субъективную значимость намного выше, значительнее.

Таким образом, подводя итог, можно постулировать следующее: очевидны переклички в области экзистенциального рассмотрения собственного Я лирическими субъектами в художественном мире как Е. Летова, так и Д. Хармса, значительная часть сходств лежит в области авторского восприятия саморефлексии лирического субъекта: внимание к самому себе влечет исчезновение субъекта рефлексии, лирический герой приходит к факту собственного небытия, именно поэтому внимание к самому себе невозможно, опасно, болезненно. Основным отличием является образный ряд: если для Летова основной метафорой личности служит именно лицо, то Хармс расширяет границы лица до тела вообще (следует сказать, что для Хармса рука и нос равнозначны, в произведениях автора все феномены материальной действительности очень часто смешиваются в своей аксиологической нагрузке, чего нельзя сказать о художественном мире Егора Летова). Данная работа не может быть исчерпывающей в силу возможности множественных интерпретаций, а также в силу безграничного потенциала темы вообще.

Литература

1. Гусев А. В. Поэтика абсурда в пьесе Д. Хармса «Елизавета Бам» // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 2-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-absurda-v-piese-d-harmsa-elizaveta-bam> (дата обращения: 29.11.2020).
2. Зырянова О. Н. Мертвое тело как функция абсурдного нарратива в повести Д. Хармса «Старуха» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 311. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mertvoe-telo-kak-funktsiya-absurdnogo-narrativa-v-povesti-d-harmsa-staruha> (дата обращения: 29.11.2020).
3. Кожевников Н. Н. Личность в экзистенциализме и персонализме // Наука и техника в Якутии. 2009. № 1(16). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-v-ekzistentsializme-i-personalizme> (дата обращения: 29.11.2020).
4. Летов Е. Игра в лицо (руководство). – URL: https://grob-hroniki.org/texts/go/t_el_i/igra_v_lico.html (дата обращения: 29.11.2020).
5. Летов Е. На***ть на мое лицо. – URL: www.gr-oborona.ru/texts/1056908626.html (дата обращения 29.11.2020).
6. Летов Е. Я выдуман напрочь. – URL: www.gr-oborona.ru/texts/1056965097.html (дата обращения: 29.11.2020).

7. Новицкая А. С. «Тошнота» Егора Летова. Анализ одного текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2014. № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toshnota-egora-letova-analiz-odnogo-teksta> (дата обращения: 29.11.2020).
8. Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А. Феномен абсурда в литературном сознании России рубежа XX–XXI вв. (на материале творчества Д. М. Липскерова) // Вестник ВУиТ. 2012. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-absurda-v-literaturnom-soznanii-rossii-rubezha-hh-xxi-vv-na-materiale-tvorchestva-d-m-lipskerova> (дата обращения: 15.12.2020).
9. Темиршина О. Р. Поэтика деформации. Образы телесного в поэзии Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2017. № 17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-deformatsii-obrazy-telesnogo-v-poezii-egora-letova> (дата обращения: 30.11.2020).
10. Черняков А. Н., Цвигун Т. В. «Снаружи всех измерений»: имперсональная топика Егора Летова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/snaruzhi-vseh-izmereniy-impersonalnaya-topika-egora-letova> (дата обращения: 29.11.2020).
11. Шенкман Я. Логика абсурда Хармс: отечественный текст и мировой контекст. – URL: <http://www.d-harms.ru/library/logika-absurda-harms-otchestvenniy-tekst-i-mirovoy-kontekst.html> (дата обращения: 29.11.2020).

V. Y. Nemirov

EXISTENTIAL REFLECTION EXPERIENCE OF A LYRIC SUBJECT IN THE WORKS OF EGOR LETOV AND DANIEL HARMS

Abstract. The article provides a comparative analysis of the practice of existential reflection of a lyrical subject based on the works of Egor Letov and Daniel Harms, as a result of the study, the main conclusion is that existential reflection in both poets goes into the realm of corporeality, however, the figurative series are significantly different.

Keywords: existentialism; reflection; lyrical subject; absurdity; corporeality.